

СЕМЁН КАМИНСКИЙ

Что-то
прошлая
жизнь

РАССКАЗЫ

СЕМЁН КАМИНСКИЙ

Что-то
прошлая
жизнь

РАССКАЗЫ

Иллюстрации Андрея Рабодзеенко

БОСТОН • 2024 • BOSTON

Семён Каминский. Чья-то прошлая жизнь. *Рассказы*

Редактор: Ольга Новикова

Иллюстрации: Андрей Рабодзеенко

Simon Kaminski. Someone's Past Life. *Short Stories*

Edited by Olga Novikova

Illustrations by Andrei Rabodzeenko

Copyright ©2019–2024 by Simon Kaminski

Copyright ©2019 by Andrei Rabodzeenko

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without prior written permission in writing from the publisher.

ISBN 978–1960533265 (Hardcover)

Library of Congress Control Number: 2019948774

Макет книги: Михаил Кондратенко

Book Design by Mykhail Kondratenko

Выпускающий редактор: Юлия Тимошенко

Publishing Editor: Yulia Timoshenko

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Заноза	10
Чья-то прошлая жизнь	21
Урюк	30
Два хобота	35
Папина любовь	38
Как Владимир Семёнович спасал нас	46
Стоцик	50
Сметана	62
Маркиза ангелов	67
Новый щеночек	72
Счастливчик	79
Отрава	86
Мама Пасюка	94
Швабра для Саддама	106
Чистая душа	113
Шутики мистера Калименко	118
Шоколадка	128
Драка	136
Судьба барабанщицы	139
Исход	160

День всех святых	164
Саша энд Паша	169
Боб, форшмак и рок-н-ролл	178
«Чёрный доктор»	191
Тёплая встреча	199
Дама с собачкой и мобилкой	205
Мест нет	207
Сервиз Гарднера	212
Ты сказала...	224
Гудбай, Руби Тьюздэй!	229
Утренний «ёрдок».	238
Пицца-гёрл.	241
Учебное пособие по строительству замков из песка	267
Across The Room.	284
Сладкие радости индейского лета.	289
Тридцать минут до центра Чикаго	318
Ангелы по пять	329
<i>Евсей Цейтлин. Чьи-то растаявшие жизни . . .</i>	<i>333</i>

Моим родным

Заноза

Хотя мне ещё не очень много лет, иногда, вспоминая какое-то событие или место, я вдруг с удивлением и некоторым смятением понимаю, что некоторых из тех, кто был со мной *там*, уже нет в живых... А те, кто есть, — где они? Где те, кто делил, играя «в ножичка», очерченный кругом кусочек грязной земли старого двора? Ел восхитительную, коричневую, со светлыми выпуклостями орехов трубочку мороженого, купленную в «стекляшке» на углу за целых 28 копеек? Дышал рядом в невыносимо потной тесноте июльского трамвая по дороге в провинциальный Дворец культуры, куда «Поющие гитары» привезли на один вечер рок-оперу «Орфей и Эвридика»?

Я не знаю. Попытки описать что-то такое (живущее теперь только в моей голове) жене, детям, новым друзьям — совершенно бессмысленны. Им просто становится скучно. И я вполне понимаю почему: нет у меня таких слов, чтобы описать воспоминание, имеющее некий чёткий смысл для меня, но для всех остальных — совсем незначительное. Неброское. Неяркое. Банальное...

Как передать, например, тягучий сонный летний мир морской слободки старого приморского городка, куда родители много раз привозили нас на лето? Мир, в котором остался запах высохшей морской травы, набитой

в хрустящие матрасы. Вкус манной каши с большим куском сливочного масла — это мама подала нам завтрак в круглой беседке, сбитой из деревянных планочек во дворе дома, где мы остановились. Длинный огород, выходящий прямо к морю. Большущий паук с крестом на спине, в паутине, под потолком этой беседки (раньше никогда не приходилось видеть такого!). И тяжёлое солнце, долгими июльскими днями настойчиво давящее курортников к горячему мелкому пляжному песку...

А потом, уже в другой, более поздний приезд: босые, крепко загоревшие ноги и лёгонькие светлые волосы абсолютно недоступной девчонки — соседки наших хозяев. Наверно, ровесница... Совершенно невысказанно даже заговорить с ней. Даже подумать о том, чтобы заговорить с ней...

И как передашь тревожное ощущение своих сорока лет?

Каждое пляжное утро отдыхающие начинали с ритуала сооружения личного шалаша. Все приходили со связкой четырёх аккуратно обструганных палок, которые вбивались в песок, и на них старательно привязывался тент из полосатых простыней. Не помню, возможно, родители послали меня к Лёшкиному шалашу одолжить на пару минут нужный камень для забивания палок? Или Лёшка подошёл посмотреть, как мы с отцом играем под нашим тентом в шахматы на старой, немного примятой картонной доске? А может, наш бадминтонный воланчик упал на их подстилку? Помню только, что, познакомившись, мы сразу и накрепко прилипли друг к другу, счастливые оттого, что здесь наконец-то нашёлся человек, с которым будет совсем не скучно делить размеренное летопровождение. Оказалось, что у нас похоже всё: возраст, любимые Стругацкие

и Рэй Брэдбери, преподавательские профессии родителей, небольшие квартиры в центре больших соседних промышленных городов, количество братьев и сестёр.

А улыбка у него была такая: вроде бы человек долго-долго ждал чего-то, почти не надеялся найти и вдруг нашёл... и улыбнулся.

Как здорово теперь было вместе часами болтаться в мелкой, совершенно спокойной и почти не отличимой от температуры тела морской водичке! А вечером в десятый раз смотреть в душном местном клубе «300 спартанцев» и «Парижские тайны». И секретно обсуждать ту самую соседскую девчонку, к которой никому из нас никак не подойти...

Впрочем, с девчонкой всё решилось просто. Во время нашего вечернего променада по морской слободке один из знакомых «пляжных» мальчишек вдруг подвёл её к нам со словами: «Это — Ирка, она тут хотела с вами познакомиться». Ирка оказалась приветливой простушкой, много и безостановочно тарыхтела, и стало понятно, что нам с ней совсем неинтересно.

Однажды Лёшка сильно занозил на пляже ногу — видно, на какую-то щепку наступил. Он долго и тщательно вытаскивал непослушную занозу из ноги, потом сообщил, что срочно идёт домой — обработать ранку. А в ответ на мои умные ироничные замечания по этому поводу заявил:

— Отец Маяковского, между прочим, умер оттого, что укололся булавкой, сшивая бумаги... А был крепким человеком, лесником, ходил на медведя в одиночку... Понял?

...Потом мы уезжали домой — в наши разные города, и ещё одно детское летнее знакомство грустно подходило к концу. Мы решили, как это обычно бывает, обменяться адресами и стали записывать их друг другу на клочках

какой-то бумаги. Я очень стеснялся своей фамилии, однозначно и бесповоротно открывающей мою принадлежность к «некоренной» национальности. К той самой, которой вроде бы и не существовало в нашей большой советской стране. Но делать было нечего, и я, с чувством падения в пропасть, отдал ему свою бумажку... О, счастье! Совершенно ненашенское окончание «штейн» моей злополучной фамилии вполне соответствовало его «ман»... Похоже, мы были одного поля ягоды!

Мне лет пять. Я гуляю с бабушкой по улице Ленина, недалеко от старого трёхэтажного дома, где мы тогда жили. Проезжают редкие машины (и это одна из ближайших к центру улиц большого города — сейчас на этом месте просто постоянный затор). Медленно плетётся вверх по улице телега старьёвщика. Старенькая лошадь тянет, старается, периодически оставляет на дороге пахучие кучки — метит свой нелёгкий путь. Старьёвщик — лето, а он в телогрейке — придерживает на коленях вожжи и хитровато посматривает по сторонам. Во рту у него белая свистулька от воздушного шарика, время от времени она издаёт зудящий пронзительный звук.

Толстенные дубы вдоль тротуаров, незаасфальтированные круги серой земли вокруг каждого дерева. Мне всё интересно, и я подолгу разглядываю гигантские корни, уходящие в землю. Мне легко это делать не наклоняясь, потому что я маленький, земля ко мне близко.

Из-под арки дома выскакивают несколько мальчишек постарше — наши соседи по двору. Чумазые, воюют, чем-то бросаются. Баба Люба недовольно поглядывает на них.

— Почему они такие грязные? — спрашиваю я.

— Русские дети... — она поджимает губы.

Я не понимаю её ответа и, поразмыслив, через какое-то время спрашиваю:

— Это... как?

— Русские, — повторяет баба Люба. Видимо, мне всё уже должно быть ясно, но я по-прежнему не понимаю, что она хочет этим сказать.

— А мы кто?

— А мы — евреи.

Я больше ничего не спрашиваю.

Мне уже не до вопросов и не до этих мальчишек.

Я потрясён.

Осенью меня, «домашнего мальчика», почему-то решают «устроить» в детсад. Я покорно иду туда с мамой. Прихожая, одинаковые шкафчики, на дверцах которых намалёваны небольшие цветные картинки. «Этот шкафчик с арбузом — твой», — как-то чересчур радостно и настойчиво говорят мне, и уже сразу хочется домой. Это желание ещё больше усиливается от ненавистного мне запаха и вкуса сладких макарон с молоком.

После трёх дней посещения этого заведения бабушка и мама застают меня дома, бегающим и прыгающим по дивану с громкой задорной присказкой, смысла которой я не понимаю, но которая нравится мне незнакомым жужжащим словом:

Жид, жид, жид

По верёвочке бежит!

И так — раз сто.

Я слышу, как бабушка твёрдо говорит маме:

— Чтoб я по этот детский сад больше не слышала!

Моё знакомство с детским садом благополучно заканчивается. Навсегда.

Мне — двенадцать лет. Я иду записываться в районную детскую библиотеку имени М. Светлова — это недалеко от дома, только проспект перейти. Читать я люблю, дома все книжки уже перечитаны по много раз, у знакомых и друзей — тоже. В маленькой библиотеке, которая расположена в полуподвале белой кирпичной пятиэтажки, всё время очередь. Наконец немолодая библиотекарьша за стойкой начинает заполнять на меня формуляр:

— Имя?

Я достаточно громко говорю ей своё имя.

— Фамилия?

Я говорю фамилию. Тише.

— Национальность?

По-моему, меня с интересом слушает вся очередь. Я невольно ещё понижаю голос...

Спустя какое-то время отец высмеивает меня:

— Моя знакомая, Полина Давидовна Натансон, которая работает в детской библиотеке, рассказала мне, что ты стеснялся назвать свою национальность, когда пришёл записываться?

Много лет мы с Лёшкой регулярно писали друг другу пухлые письма. В них было всё: и жизнь, и стихи, и наши неразделённые влюблённости. Ездили друг к другу на каникулы, по очереди нетерпеливо просиживая тяжкие четыре часа в духоте общего вагона. Щенячья радость встреч, долгие-долгие ночные разговоры... о чём-то важном... бог знает о чём... запах бобинной «Дайны», разогретой от много часового проигрывания «Beatles For Sale»:

This happened once before,
 When I came to your door,
 No reply...

С горем пополам мы учили в школе английский и почти не понимали, что они поют, эти удивительные парни. Только отдельные фразы... «No reply» — нет ответа... Нет ответа.

И опять лето, мы — студенты второго курса. Еле-еле я «добил» свою вторую экзаменационную сессию. В этот раз Лёшка приезжает ко мне. Я почти не сплю несколько ночей перед его приездом. За полтора часа до поезда прихожу на вокзал, до которого мне от дома — рукой подать. Слоняюсь по влажному от короткого летнего дождя перрону, подгоняю взглядом чёрные ажурные стрелки старых вокзальных часов. Наконец на вокзал неспешно вползает голубой фирменный поезд из его города.

Мы говорим, говорим не умолкая. Основная тема, по-прежнему, — «о них»: он, конечно, завидует — у меня уже есть девушка, и я, чувствуя себя солиднее и удачливее, задираю свой большой нос. А у него, такого красавчика, так ничего и не клеится: слишком много сомнений, рассуждений, слишком мало напора. Девчонки с ним дружат, гуляют — и выходят замуж за других.

В одной из своих прогулок мы оказываемся на берегу Днепра. Лёшка стоит спиной к реке, опираясь на светло-серый гранитный парапет, молчит, а я что-то оживлённо рассказываю и рассказываю, стоя перед ним: продолжаю, честно говоря, здорово хвастать. Вдруг кто-то сильно толкает меня сзади, да так, что я почти падаю на Лёшку.

Это — местные «пацаны». Самого крепкого из них я припоминаю — Тарас или Стас — из того дома, где живёт моя девчонка.

— Ты! — начинает он и всё остальное добавляет «матюгами». — Чтоб я тебя... с Люськой больше у нас во дворе не видел, понял?

Я понял: их — пятеро. И сам — не герой, и втягивать Лёшку в эти разборки не хочу. Когда они уходят, я уже совсем не чувствую себя перед ним героем-любовником и замолкаю. А Лёшка наконец потихоньку начинает рассказывать о себе. О прочитанных книгах, о Тарковском, фильмы которого, особенно «Андрея Рублёва», он обожает, о живописи...

В двадцать лет, во время студенческого туристического похода на лодках по рекам Алтайского края, Лёшка неожиданно заболел тяжёлой почечной болезнью. Товарищи подумали, что его сильно покусали комары, и всё время шутили по этому поводу. Правда обнаружилась уже дома.

Я приезжал к нему, ходил в больницу, откуда его почти не выпускали. Было страшно видеть его тонкое лицо до неузнаваемости отёкшим, похожей оставалась только улыбка. Похожей...

Кто-то знакомый с медициной сказал мне: «Он не протянет больше трёх лет...» Я очень разозлился на говорившего — как он осмелился такое...?! Да этого просто быть не может!

Ни заботливые родители, ни хорошие врачи, ни лучшие в то время лекарства не смогли спасти Лёшку. Он провалялся в разных больницах своего города чуть больше года — диализ, диализ... опять диализ! Потом родители решились перевезти его в Москву. Он умер осенью в «Склифе».

В одном из последних писем Лёшка с обычным юмором описывал свои приключения в больнице перед отъездом в Москву. Оказывается, там он умудрился познакомиться

с красивой девчонкой лет восемнадцати. Её не смутила его болезнь, его вид тяжёлого почечного больного... Её звали Ирой. Она лежала в каком-то другом отделении, кажется, ей вырезали гланды, и вскоре выписали, но она продолжала каждый день навещать его.

К концу тон письма неожиданно менялся:

«Ты знаешь, это всё-таки произошло. В пустом актовом зале. Это так здорово».

Я прилетел в его город, такой знакомый город, и в этот же вечер мы — друзья и какие-то незнакомые мне люди (оказалось, что сотрудники института, где преподавал Лёшкин отец) — встречали самолёт из Москвы. Вышли родители — тихие, очень уставшие. Все стояли кучкой посреди зала, долго чего-то ждали, негромко переговариваясь. Не сразу я понял, что ждут, когда из самолёта выгрузят гроб — цинковый гроб со стеклянным окошечком на крышке. Я заглянул в окошечко — там был мороз, чужой желтоватый высокий лоб и чёрные волосы, почему-то зачёсанные назад. Мы помogli внести его в какой-то микроавтобус, а дома — поднять по лестницам в квартиру. Поставили на столе в гостиной. Вместе с родителями нас осталось всего несколько человек — самые близкие. Стали отпаивать крышку разогретым утюгом.

— Нужно переодеть... рубашку и костюм, — сказала Лёшкина мама, — помогите, пожалуйста, приподнять.

— Очень тяжёлый, — сказал отец.

Мы переодевали Лёшку — ничего страшнее в моей жизни никогда не было. Дай бог, не будет. Говорили по-прежнему тихо, междометиями.

— Какой же ты холодненький, Лёшенька! — вдруг зашлась в крике мама...

Утро похорон было дождливое. Во дворе большой сталинки собралась толпа, высокий Лёшкин папа, сторбившись, косо держал над гробом зонтик. Я обнаружил стоящую рядом со мной симпатичную заплаканную девушку и поймал себя на том, что разглядываю сбоку её лёгонькие светлые волосы, покрасневшие веки и пухлые губки... и немного улыбаюсь... Да как же я могу?! В такой момент! Я даже незаметно посмотрел по сторонам — не увидел ли кто эту ужасную мою улыбку? Преступную улыбку? Слава богу, вроде бы никто...

Нет старых дубов на улице Ленина, вместо них уже давно посадили молоденькие клёны. И клёны эти успели вырасти. И чтобы увидеть что-то на земле, мне нужно не просто наклониться — мне нужно стать на колени на эту землю. Впрочем, это уже совсем другая земля — далеко-далеко от старого дома (его снесли в девяностых), чумазных русских мальчишек, библиотеки имени М. Светлова и сладких макарон с молоком. Жена у меня — русская, сыновья не только говорят, но и думают по-английски, и никому нет особого дела до моей фамилии и национальности — да мало ли разных фамилий и национальностей на свете?

А я... мне ещё не очень много лет, но иногда, вспоминая какое-то событие или место, я вдруг с удивлением и некоторым смятением понимаю, что некоторых из тех, кто был со мной *там*, уже нет в живых. Только саднит и саднит вросшая, назойливая заноза моей памяти. И уже никак эту занозу не вытащить — пока думается и помнится... Пока живой.

Чья-то прошлая жизнь

Просторный двухэтажный дом был выстроен из красного кирпича на одной из уютных боковых улочек в центре города лет сто назад. Даже молодым он выглядел не шикарно, но приятно и солидно, как и его хозяйка — всеми уважаемая Фейга Юдковна, повивальная бабка, акушерка — краснолицая, большезадая, с коротковатыми полными ногами, уверенно стоящими на земле старого украинского «міста». Она безотказно пользовала и евреек, и русских, и украинок, а однажды принимала роды у таборной цыганки, которую привезли ночью на двухколёсной бричке прямо к Фейге во двор. Видно, какие-то уж чересчур трудные роды случились, раз цыгане не решились принимать их в таборе сами. Тут же во дворе цыганские роды были оперативно и благополучно приняты, только Глашка, которой пришлось таскать кастрюли с горячей водой по деревянной лестнице со второго, хозяйского, этажа, крепко умаялась.

Помогать-то Фейга Юдковна всем помогала, но цену себе знала, и деньги за помощь брала немалые, особенно с тех, у кого они были. И деньги, и золотые-серебряные украшения, и камушки. Поэтому и дом такой серьёзный смогла построить на месте квёлого, старенького, доставшегося от родителей, когда-то державших скромную мацепекарню. Свежую ломкую мацу к празднику Фейга, конечно, любила,

но родительское дело казалось ей неинтересным. Собственное занятие было гораздо важнее и денежнее мацы, и спрос на её умения оставался непреходящим, так что пекарню она продала. Её муж, тихий и не больно удачливый коммивояжёр, слушался супругу во всём беспрекословно.

А тайны ей были известны самые страшные и не подлежащие разглашению даже за давностью лет. Все знали, что она не только роды принимает, но и другие услуги оказывает, изредка помогая грустноватому доктору Лукацкому, тоже жившему неподалёку, но об этом никто не распространялся. Фейга Юдковна — персона нужная, кто знает, может, её помощь когда-нибудь понадобится, чего ж зря болтать.

И бабкой её тогда, конечно, никто не звал: когда дом построили, ей, может, лет тридцать всего было. Близкие называли её Фаней, а кое-кто из русских и украинских знакомых — Феней.

В общем, достойная была женщина, но надменная, характер имела весьма скандальный и всерьёз рассорилась со своими соседями: с одной стороны вплотную к её дому стоял домик грека-бакалейщика, а с другой, чуточку подальше, — дом какого-то местного чиновника средней важности. Что именно они не поделили, история умалчивает, но нетрудно предположить: как раз эти самые не подлежащие разглашению тайны и сыграли свою роль. Потому что и жена немолодого грека, и жена неприветливого чиновника были женщинами не работающими, не шибко красивыми, но весьма и весьма любвеобильными. И кто-то якобы видел их неоднократно посещавшими умелую соседку... Хотя, может, они к ней просто по-соседски заходили, одолжить луковицу или немного постного масла? Однако факт есть факт. Назло акушерке обиженные мужья, по-видимому сговорившись, так надстроили свои одноэтажные дома, что со стороны грека

во всех окнах её дома навсегда наступил полумрак. А со стороны чиновника, где между домами был узкий проезд во двор Фани, если и заглядывало солнышко, то ненадолго, поутру, на несколько часов. Надо же — и денег не пожалели! И оказался её хороший дом нелепо зажатым между двумя глухими, уродливо высокими кирпичными стенами.

Впрочем, тогда уже некому было особо обращать внимание на красоту или удобства. Потому что вскоре понеслись мимо (и слава богу, что мимо!) малахольные конники бандитского вида, направляясь к главному городскому почтамту. Пошли рядами на митинги и парады красные товарищи с бодрящими песнями и под весёлым хмельком. А потом, почти не глядя по сторонам, проехали чёрные оккупанты в огромных грузовых автомобилях. Этих Фанина семья, правда, не видела (опять же, слава богу!), так как успела эвакуироваться, но самому дому всё это, без сомнения, было отлично видно. Например, как недалеко упал сбитый самолёт, и улица, спустя несколько лет, стала называться именем Героя Советского Союза — погибшего в нём летчика.

Затем жизнь чуть наладилась, но дому было нехорошо. В каждой, даже самой тесной комнатухе селились в большом количестве новые люди и тараканы, а растущая семья Фейги Юдковны — муж, сын, невестка, внуки — после эвакуации стала помещаться всего в двух комнатах, да и то с соседями.

В доме и во дворе противно запахло старым борщом и какой-то совершенно неопишуемой дрянью. Стены поросли плесенью, кирпичи кое-где выпали, так что зрелище и вовсе перестало быть приятным и, тем более, солидным. В окнах стало ещё темнее.

Хотя возраст настойчиво брал своё, какое-то время Фаня ещё служила фельдшером в больнице скорой помощи, но

домашнюю практику прекратила — это было нынче строжайше запрещено и грозило ужасными бедами, о которых даже шёпотом говорить не стоило. Возможно, случаи такие в обстановке особой секретности всё-таки были: кто ж, как не Фаня, выручал самых разнесчастных, одиноких и покинутых? И теперь почти за символическую плату... Но кто это докажет? Глашка из нижнего этажа ей помогает? Да нет, нет, боже упаси! Глаша просто приходила по старой дружбе варенье варить в глубоком медном тазу.

Как-то раз в сумерки к Фане на веранду поднялись две посетительницы. Одна из них была хозяйке знакома — учительница в соседней школе.

— Вот, Фанечка Юдковна, дочка моя, Ленка... — тихо вздохнула гостя, присаживаясь на краешек табурета в Фаниной прихожей, превратившейся в тесную кухню, — неполных пятнадцать — и уже... Помогите непутёвой.

Фаня оглядела непутёвую дочку учительницы, стоящую перед ней.

— Косу с детства, выходит, ещё не резали? — поинтересовалась Фаня, взвешивая на руке толстую чёрную девчачью косу.

— Не, — не поднимая глаз, еле слышно проговорила щуплая девушка, — не резали.

— И кто ж этот герой? — ехидно продолжала Фаня, наклонив голову и пытаясь заглянуть Ленке в глаза.

— Не говорит, — опять вздохнула учительница после короткой паузы. — Ревёт, но не говорит...

— Вы, Тамара Борисовна, подождите здесь минутку, мы в столовую пройдем, — Фаня увела девушку в комнату. Учительница так и осталась сидеть на табуретке, глядя перед собой в растрескавшуюся побелку кухонной стены и не решаясь встать.

— Вот что, — сказала Фаня, возвращаясь минут через двадцать, — худая она, поэтому на ней не видно, но делать уже поздновато... и я не хочу. Нужно оставлять.

— Да что вы говорите?! — громко всхлипнула учительница, тут же прикрывая себе рот рукой. — И никак нельзя?..

— Никак, — отрезала Фаня, — но думаю, что всё будет хорошо. Я в больнице договорюсь: есть надёжные доктора, и я сама при том обязательно буду. Только надо в другую школу перевести, чтобы разговоров было поменьше. А самым ретивым мы рты позакрываем: и у них бережно хранимые секреты найдутся. Я подноготную у половины города знаю. И в гороно есть нужные люди... Про своего героя она мне рассказала, гоняться за ним не стоит, без него справитесь. И не донимайте эту дурынду вопросами. Не она — первая, не она — последняя. Такая жизнь...

И снова с флагами и транспарантами мимо регулярно двигались хорошо организованные трудящиеся массы, так же организовано и массово заходя облегчиться во двор, попавшийся им по дороге в коммунистическое далёко и к трибунам центральной площади. И хотя в глубине двора виднелся туалет из серых шлакоблоков, мужчины поливали стены дома, а дамы присаживались под той самой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. Транспаранты и флаги ожидали в некотором отдалении, прислонённые к стенам. Запах усиливался.

— Как там ваш наследник непутёвый? — спрашивала Фаня у Тамары Борисовны, приходя в школу за своей младшей внучкой.

— Толик очень даже путёвый! — расцветала учительница. — Умный мальчик растёт. А Ленка устроилась работать в домоуправление. Замуж вышла, муж хороший, Колей зовут, Толика усыновил. Сейчас Лена второго ждёт, сильно

поправилась. Про вас она с таким уважением всегда вспоминает. Толик, говорит, вырастет, непременно про Фанечку Юдковну ему расскажу, он поймёт.

— Да бросьте, ничего он не поймёт, — махала рукой Фаня, прощаясь, — что они понимают?

С годами дом сильно просел: первый этаж, в котором когда-то хранилась утварь и обитала прислуга, а теперь квартиросъёмщики, частично ушёл под землю. Полы из длинных крашеных досок прогнулись; когда их мыли, к центру комнат стекала вода, туда же скатывались катушки с нитками, детские мячики и машинки. Щели поглощали не только самые мелкие предметы — булавки из рук пришедшей на дом модистки, бусинки рассыпавшегося перламутрового мониста и монетки, но даже карандаши, ручки и расчёски, а иногда что-то покрупнее, и всё это уже никоим образом не получалось достать. Может, именно там незаметно потерялись и долгие годы, наполненные однообразными хлопотами? Притаились тревожные шорохи и заглушённые стоны от нестерпимой боли? Спрятались неясные воспоминания?

Фаня — теперь уже, бесповоротно, баба Феня — тоже сдала, совсем не практиковала и мучилась настырным в своём постоянстве радикулитом, согнувшим её в три погибели. Мужа давно не было, дети не шибко её почитали, переселив в самую тёмную комнату, да она и сама не хотела занимать светлое жизненное пространство. Она начала путать имена своих внуков и правнуков и перестала слышать, когда у неё что-то просили, особенно когда просили деньги. А молодое поколение, уже не скрывая, смеялось над тем, как она говорила «бирлянды» вместо «бриллианты», рассказывая о прошлой жизни, о каких-то тайнах и своём деятельном участии в судьбах разных — счастливых и несчастливых — людей.

Да и кто вообще верил в эту прошлую жизнь бабы Фени? Разве что почти такая же древняя Глашка, которая все эти годы так и жила в двух каморках нижнего этажа. Она и её муж Яким по-прежнему называли бывшую хозяйку Фейгой Юдковной и не забывали приносить на пасху освящённую сладкую пасочку собственной выпечки. Баба Феня целую неделю ела её маленькими кусочками вместе с мацой, запивая чаем.

Ровно через двадцать лет, день в день после смерти бабы Фени, дом наконец признали аварийным и должны были снести, а жильцов переселить. Фенин сын и его уже женатые дети очень радовались получению квартир (правда, в дальнем-дальнем рабочем микрорайоне), а никчёмный дом, так ужасно надоевший всем своими старческими проблемами, постарались забыть навсегда. И он остался пустовать в центре города, на одной из уютных боковых улочек имени Героя Советского Союза.

А потом флаги, транспаранты, парады, хорошо организованные трудящиеся массы прекратились, и про дом забыли ещё лет на десять. Он был уже так страшен, что даже появившиеся бомжи боялись туда забираться — вдруг обвалится. Впрочем, соседние дома, по-прежнему закрывающие его от солнца, выглядели не намного лучше.

* * *

Правление банка размещается в двухэтажном доме красного кирпича. Дом древний, ещё и плывуны под ним обнаружались, правление кучу денег ухлопало, чтобы не только привести его в порядок, но хорошо укрепить фундамент и достроить в глубь двора. Земелька тут теперь ох как дорого стоит — центр города!

Анатолий Николаевич, президент банка, мужик прижимистый. Даже кондиционеры поставили всего по одному на отдел — экономят на чём могут. Но вот что удивительно: два соседних одноэтажных дома приказал выкупить и высокую кирпичную кладку, что торчала на их стенах, почти прилегающих с двух сторон к зданию правления, обязательно разобрать. А зачем эти странные, намного выше крыш надстройки были сделаны — никому не известно. Кто-то слышал, что так от пожара в прошлом защищались, другие говорят, что только шеф настоящие причины знает, что-то личное у него связано с этим домом, где сейчас правление, хотя он в нём никогда не жил.

Как-то раз подкатили к нему на корпоративной вечеринке с вопросом, как бы между прочим. А он смеётся, говорит, если бы не было этого дома и его хозяйки, и меня, может, не было. И надстройки, мол, с соседних домов он убрал не только для того, чтобы в правлении было светло, а чтобы восстановить справедливость за всю прошлую жизнь. Шутит, наверно, или был навеселе — перед этим одну грандиозную сделку провернули...

В общем, толком никто и не понял: что это за справедливость такая? Что за хозяйка? И чья прошлая жизнь?

Евсей Цейтлин

Чьи-то растаявшие жизни

*Беседа с прозаиком Семёном Каминским.
Из цикла «Откуда и куда. Писатели Русского зарубежья»
(Журнал «Чайка», США, 7 февраля 2018 г.)*

Самое интересное у Семёна Каминского — это, конечно, история человека. Её каждый писатель создаёт заново, будто не было Стендаля и Чехова.

«Чья-то прошлая жизнь». Название рассказа. Символ литературного движения Каминского: через годы, страны и души.

Человек — это только его память. И ничего больше. Сегодня многие захотят оспорить категоричный тезис древних мудрецов. Но герои Каминского как раз многократно подтверждают эту мысль. Так возникают *почва* и *воздух* его новелл. Так (в мучительных поисках человеком своих следов, исчезающих в песке времени) складываются сюжеты. На первый взгляд, обычные: происходит ли действие в украинском городке, американской глубинке, шумной столице.

«Обычность» обманчива. В самих коллизиях этой прозы таится спокойное понимание тщетности попыток изменить человека. Одновременно рассказы Каминского переполнены

глубинной любовью к героям, по счастью, нигде не прорывающейся в текст, не оборачивающейся сентиментальностью. И неизбывна уверенность автора: «чья-то прошлая жизнь» — пусть даже суетливая, растаявшая в пустяках — может обрести в литературе подлинную гармонию, зазвучать как мелодия. То насмешливо, то скорбно, то весело, чаще — печально.

ЕЦ: *Ваша творческая судьба обычна... своей внешней необычностью. Так часто случается в искусстве. Долгие годы в той, «другой» жизни были отданы вовсе не литературе. Несколько строчек Вашей автобиографии: «Работал инженером, преподавателем, руководителем юношеского фольклорного ансамбля, менеджером рок-группы, директором подросткового клуба и рекламного агентства, режиссёром и продюсером телевизионных программ». Писать прозу Вы начали в эмиграции. Что же послужило толчком?*

СК: Сразу уточню: писать я начал отнюдь не в эмиграции — в эмиграции начал публиковаться. Сочинять же стал ещё в детстве, и толчком к этому, как и у многих других, послужило чтение книг, причём чтение взахлёб. И сначала это моё сочинительство никак не отражалось на бумаге. Я выдумывал занимательные истории для мальчишек из соседних дворов. Сочинял экспромтом, совершенно не готовясь. Вечерами собирались на лавочке вокруг меня ребята, и я начинал импровизировать — рассказывать довольно складные истории (часто с продолжением), якобы вычитанные мною в книгах или виденные в кино. Врал, короче говоря. Мальчишки эти (в основном из простых семей) читали мало, обмануть их таким образом было легко. Слушателями они были прекрасными, внимательными, тихими. Я тогда впервые остро почувствовал свою власть над ними — власть рассказчика над слушателем, читателем — и это было упоительное, почти наркотическое ощущение. А фантазии мои я частично заимствовал, компилировал из любимых книг

Жюль Верна, Беляева, Уэллса, Конан Дойла, Льва Кассиля. И ещё — из киносценариев.

Мой папа — преподаватель эстетики — подрабатывал лектором по киноискусству общества «Знание». Он очень любил кино, несколько раз побывал на Московских кинофестивалях (случалось — и на закрытых просмотрах), а потом читал лекции перед сеансами в кинотеатрах нашего города и области. Поэтому в доме было полным-полно литературы по кино, недоступной рядовому зрителю: книги с киносценариями зарубежных фильмов (которые в то время не выходили на большой экран), специальные журналы для кинопрокатчиков и т.п. Папа с увлечением беседовал о кино и со мной. Его беседы, его книги — вот мои важнейшие источники информации и вдохновения.

Кроме того, для дворовой публики я несколько раз умудрился показать кукольные спектакли собственного сочинения (и куклы, и декорации тоже изготавливал сам из подручных материалов). Позднее — выпускал рукописный журнал фантастики, а в тринадцать лет, во время летних каникул, написал со своим другом большой фантастический роман (правда, кроме нас с ним, никто эту толстую тетрадь-рукопись так и не увидел). В пятнадцать-шестнадцать (опять же — как обычно) прорвались стихи. Сейчас нашёл некоторые из них — на тему, близкую нашему разговору (что весьма странно, ведь написаны они почти полвека назад):

Убери вензеля и виньетки
иними из углов образа.
Запах жизни — он мятный и едкий
и подчас разъедает глаза.
Ущипни себя за руку крепче
и живи — не загадывай даль.
Дни-икринки история мечет
в неразысканных дальних прудах.

Проживи, всё потом объяснится
в биографии, в памяти граф:
недовыдуманные ресницы
и концы недописанных глав.
Вытри белой резинкой виньетки
так, как ветер туманы слизал.
Запах жизни — он мятный, но едкий
и подчас разъедает глаза.

Так и произошло: мечтал о Литинституте, но родители были категорически против («не поступишь из-за пятой графы!»), пришлось стать инженером.

Можно ещё долго рассказывать о том, как увлечение литературным творчеством продолжалось в самых различных формах: писал стихи к песням собственного сочинения (их исполняла созданная мной фолк-рок-группа, получившая в 80-х на Украине звание «Народный»), сценарии к концертным программам этого же коллектива, сценарии телепередач и статьи в газеты. А опубликовать первые рассказы решился только в начале 2000-х, уже в Чикаго. И тоже — типичная история: тяжело заболел, пришлось долго лежать в постели, почти не мог ходить. Чтобы отвлечь меня от дурных мыслей, жена сказала: «А почему бы тебе не записать какую-нибудь из твоих историй?» Записал...

ЕЦ: *Есть ли литературная традиция, которая важна для Вас в прозе?*

СК: Критики находили в моих вещах сходство с рассказами Довлатова и Шолом-Алейхема. Очень приятные сравнения, но, конечно, это был просто обман зрения. А нравятся, нет, лучше сказать — люблю: рассказы Бунина, Чехова, Моэма, Набокова. Учусь ли у них? Помните маленький шедевр Бунина «В одной знакомой улице» из «Тёмных аллей»? Я перечитывал его (и перечитываю) десятки раз.

ЕЦ: *В 2012 году Вы создали своё издательство, которое выпустило уже немало книг. Среди авторов — прозаики и поэты нашей эмиграции. Что это для Вас — хобби, заработок?*

СК: Сначала это было просто желание переиздать собственную книгу рассказов — да так, чтобы иметь к ней доступ. Дело в том, что эту книгу, «Тридцать минут до центра Чикаго», первоначально выпустили в Москве. Но точно понять, где, как и в каком количестве она реализуется, оказалось почти невыполнимой задачей. А уж тем более приобрести десяток-другой экземпляров для себя по разумной цене, чтобы подарить знакомым, устроить авторский вечер. А так как я по одной из своих профессий программист, то постарался освоить процесс книгоиздания с помощью онлайн-сервиса компании «Амазон». Результат превзошёл ожидания: книга выглядела совершенно профессионально, сразу же оказалась в продаже на сайтах «Амазона» по всему миру, приобрести её очень легко, а для автора — совсем недорого.

Потом я сделал пару книг по просьбе друзей... и, в конечном итоге, занялся этим бизнесом уже всерьёз. Удалось привлечь замечательных молодых профессионалов: редактора, дизайнера, нескольких художников.

Словом, издание книг для меня — это и хобби, и бизнес. И «философия»: таким способом борюсь с мировой энтропией... А что? Правда! Это ж удовольствие: видеть, ощущать, как строчки рукописей, частенько неухоженные, с ошибками, опечатками, превращаются в достойную книжку в тщательно продуманной нами обложке!

ЕЦ: *Одна из опасностей, которая очевидно угрожает современной литературе, — графоманы. Конечно, они существовали во все времена. Но сейчас, как Вы подтвердили, книгу издать совсем легко. И недорого. Да и некоторые журналы гостеприимно предлагают автору опубликовать его опусы... за деньги. Как*

оградить литературу от графоманов? А может быть, на них просто не надо обращать внимания?

СК: Не вижу здесь большой беды. Знаю: оградить никого ни от чего не удаётся. А то, что никому не нужно, никуда и не пойдёт. При том способе печати, что мы сейчас практикуем (он называется «print-on-demand», то есть «книга по требованию»), книги уже не печатаются массовыми тиражами, не тратится зря бумага, не гибнут рощи деревьев. А если, к примеру, человеку хочется увидеть свои мемуары в виде книжки — пусть порадуется, дадим ему такую возможность. Плохая литература сгинет сама по себе. Есть другая проблема: хорошая литература мало кому теперь нужна, и вот это — огромная беда! Но тут, как говорится, уже совсем другая история.

ЕЦ: *Любимый литературный жанр, в котором Вы работаете, рассказ. Чем он дорог Вам?*

СК: Кто-то знаменитый сказал: написать роман легче, чем хороший рассказ. Абсолютная правда. Каждый мой рассказ, даже крошечный, — несколько месяцев жизни. Каждый рассказ — это целый мир со своими отдельными стилем, слогом, темпом, музыкой, шумами и запахами. Нужно в тесном пространстве нескольких страниц уместить всё это, не говоря уже о самой истории. И мне важно, чтобы читатель не остался равнодушным к этому созданному мной миру. Пусть ему не понравится, пусть поёжится, покривится, усомнится или заплачет — лишь бы не отложил в сторону.

У меня был такой, можно сказать, мистический случай. После публикации моего рассказа «Заноза» в русской газете во Флориде редактор сообщил мне: один из читателей очень хочет со мной связаться. Я разрешил дать этому человеку мой электронный адрес — и ко мне пришло поразительное письмо. Автор писал, что, не будучи постоянным читателем газеты, взял её в руки только для того, чтобы немного

развлечься во время какого-то затянувшегося ожидания, и случайно открыл на странице, где был напечатан мой рассказ. Бегло просмотрев несколько абзацев, он неожиданно заинтересовался, стал читать внимательнее. В герое рассказа он узнал парня, с которым познакомился в детстве, хотя имя героя было мной изменено. Трагедия, описанная в рассказе, действительно случилась в реальной жизни в середине 70-х: её герой, мой близкий друг — умный, спортивный, тонкий, необычайно обаятельный молодой человек — умер в возрасте двадцати лет от тяжёлой болезни. Так вот, тот человек, что написал мне письмо из Флориды, был ещё восьмилетним мальчиком, когда познакомился с моим другом в больнице. Они пролежали в одной палате недолго — мама мальчика была рентгенологом и договорилась, чтобы сына обследовали во взрослой больнице, где она работала (советские времена!). Мой друг был смертельно болен, однако за несколько дней сумел произвести на ребёнка такое впечатление, что тот запомнил его навсегда. Парень рисовал незамысловатые, но смешные рисунки (которые мальчик сохранил и, став взрослым, привёз с собой в эмиграцию, в Америку), рассказывал много интересного. Потом мальчик узнал, что мой друг через полгода после их встречи умер, ему сказала об этом мама.

Прочитав письмо, я позвонил этому человеку и выслушал его историю ещё раз — более подробно. Меня, без преувеличения, била мелкая дрожь: после ухода моего друга из нашего мира прошло сорок лет, но, кажется, я вернулся в то время. Я спросил, как он узнал забывшегося парня в герое моего рассказа, ведь там многое изменено. Не раздумывая, он ответил: «Я сразу понял, что это о нём. Вы передали не только ситуацию, но что-то неуловимое — суть человека»... Вот чем мне дорог жанр рассказа.

СЕМЁН КАМИНСКИЙ — прозаик, редактор, издатель. Живёт в Чикаго. Публикуется в литературных изданиях в США, России, Канаде, Израиле, Германии, Финляндии, Дании, Латвии, Украине, Белоруссии. Рассказы и очерки переведены на английский, французский и финский языки. Отмечен премиями журналов «Дети Ра», «Сура», «Северная Аврора», «Зарубежные записки». Автор нескольких книг.

Самое интересное у Семёна Каминского — это, конечно, история человека. Её каждый писатель создаёт заново, будто не было Стендаля и Чехова.

«Чья-то прошлая жизнь». Название рассказа. Символ литературного движения Каминского: через годы, страны и души.

Человек — это только его память. И ничего больше. Сегодня многие захотят оспорить категоричный тезис древних мудрецов. Но герои Каминского как раз многократно подтверждают эту мысль. Так возникают почва и воздух его новелл. Так (в мучительных поисках человеком своих следов, исчезающих в песке времени) складываются сюжеты. На первый взгляд, обычные: происходит ли действие в украинском городке, американской глубинке, шумной столице.

«Обычность» обманчива. В самих коллизиях этой прозы таится спокойное понимание тщетности попыток изменить человека. Одновременно рассказы Каминского переполнены глубинной любовью к героям, по счастью, нигде не прорывающейся в текст, не оборачивающейся сентиментальностью. И неизбывна уверенность автора: «чья-то прошлая жизнь» — пусть даже суетливая, растаявшая в пустяках — может обрести в литературе подлинную гармонию, зазвучать как мелодия. То насмешливо, то скорбно, то весело, чаще — печально.

Евсей Цейтлин

ISBN 978-1-960533-26-5

